

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГОРОДСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ЦЕЛИ, МЕХАНИЗМЫ, АКТОРЫ

Р. В. Евстифеев

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, Россия
roman_66@list.ru

В статье представлена интерпретация исследования городских идентичностей гг. Владимира, Смоленска, Ярославля с точки зрения описания основных целей, акторов и механизмов конструирования городских идентичностей. Проблема управляемости развитием локальных идентичностей и конструирования локальных идентичностей является одним из актуальных вопросов как теории, так и практики управления городскими сообществами.

Автором проведена теоретическая рефлексия понятия городской локальной идентичности, понимаемой в статье как психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самосоотнесение с какой-либо группой / общностью, а также определяющий правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения из нее, критерии различения «свой / чужой» для данной группы.

Результаты исследования позволили выделить основные элементы городской локальной идентичности: значимые места (включая периферию и символический центр); представления о локальной, средне- и крупномасштабной географии; значимые люди города («пантеон» героев – реальных и мифических); представления горожан о своем городе; представления горожан о самих себе; представления о структуре сообщества (ядро, границы, страты, сегменты); ритуалы воспроизводства идентичности. Описанные элементы городских идентичностей существуют скорее как конструктор, чем как субъект городской жизни. Для обретения городской идентичностью субъектности необходимы особые усилия, своеобразная активация, предпринятая политически активной частью жителей города. В статье предложена примерная модель конструирования городской идентичности: развитие городского сообщества, выработка социального «софта» для взаимодействия друг с другом, формирование независимого интеллектуального пространства с альтернативными конкурирующими «пакетами» интересов, публичное выражение интересов, создание коалиций, конкуренция и продвижение своей повестки в поле публичной политики.

Исследование показало, что типичным актором конструирования городской идентичности выступает городская власть, аффилирующая или нивелирующая попытки граждан и их объединений участвовать в этом процессе. Основным механизмом конструирования городских идентичностей является деятельность в символической сфере, направленная на

переопределение и переинтерпретацию прошлого и настоящего городского сообщества. Главным фактором конструирования городских идентичностей оказывается такой ресурс, как интеллектуальное осознание и осмысление особенностей города и городского сообщества; при этом развитие городских идентичностей, пусть даже и конструируемых доминирующими группами, приводит к формированию субъектности разнообразных групп и, соответственно, к конфликтам в борьбе за ценности. Конфликтогенный характер развития коллективных идентичностей порождает запрос на политику идентичности, направленную не только на конструирование городской идентичности, но и на раскрытие возможностей позитивного взаимодействия различных идентичностей.

Ключевые слова: городская идентичность, городское развитие, местные сообщества, ценности, демократический интеллектуализм, акторы, символическая политика, политический дискурс.

DESIGNING CITY IDENTITIES: GOALS, MECHANISMS, ACTORS

Roman V. Evstifeev

Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Vladimir, Russia
roman_66@list.ru

The article presents an interpretation of the study of city identities of the cities of Vladimir, Smolensk, and Yaroslavl in terms of describing the main goals, actors, and mechanisms for designing city identities. The problem of manageability of the development of local identities and the designing of local identities is one of the pressing issues of both the theory and practice of city community management. The author carried out a theoretical reflection on the concept of city local identity, understood as a psychosocial complex of a person that sets an emotionally important person's self-relation to a group/community and determines the rules of people's behavior in this group, the rules for admitting people to the group and expelling from it, the criteria for distinguishing "friends" and "foes" for the group. The results of the study made it possible to identify the main elements of city local identity: significant places (including the periphery and the symbolic center); ideas about local, medium- and large-scale geography; significant people of the city ("pantheon" of heroes—real and mythical); residents' representations about their city; residents' representations about themselves; ideas about the structure of the community (core, borders, strata, segments); rituals of identity reproduction. The described elements of urban identities exist as a construct created by researchers rather than as a subject of city life. In order for a city identity to acquire subjectivity, special

efforts are needed from the politically active part of the city residents. The article proposes an approximate model for designing the city identity: development of the city community; development of social “software” for interaction with each other; formation of an independent intellectual space with alternative competing “packages” of interests; public expression of interests on discussion platforms; creation of coalitions; competition; and promotion of one’s own agendas in the field of public policy. The study shows that a typical actor in the construction of city identity is the city government, which welcomes or rejects the attempts of the citizens and their associations to participate in the construction. The main mechanism for designing city identities is the activity in the symbolic sphere aimed at redefining and reinterpreting the past and present city community. Thus, the main factor in the construction of city identities is the resource of intellectual awareness and understanding of the characteristics of the city and city community; at the same time, the development of city identities, even when constructed by dominant groups, leads to the formation of the subjectivity of diverse groups and, consequently, to conflicts in the struggle for values. The conflicting nature of the development of collective identities raises a demand for an identity policy aimed not only at constructing a city identity, but also at revealing the possibilities of a positive interaction between different identities.

Keywords: city identity, city development, local communities, values, democratic intellectualism, actors, symbolic politics, political discourse.

DOI 10.23951/2312-7899-2020-4-75-89

В основе многих современных социальных процессов и конфликтов лежат представления людей о групповой идентичности, включая готовность отстаивать ценности идентичности значимой группы. В эпоху «текучей» современности, разобщенных сообществ и конфликтующих групп идентичность становится важнейшей константой, стержнем небольших групп и больших сообществ вплоть до наций. Кризисы идентичности, то есть противоречия между самосознанием социальных групп и их реальным положением, определяют многие современные проблемы, такие как дальнейшее развитие национальных государств, региональных и местных сообществ, повышение уровня жизни, экономического развития и т. д. [см. Appia 2018].

Современные научные исследования коллективных идентичностей подчеркивают важность различий и разногласий между сообществами, рассматривая эти разногласия как естественный ответ на вызовы современности.

В своей недавней книге, целиком посвященной проблемам идентичности, американский ученый Фрэнсис Фукуяма отмечает, что современный мир движется одновременно и к гиперцентрализации, и к бесконечной фрагментации, при этом в разных частях мира наблюдается распад централизованных институтов, возникновение несостоявшихся государств, поляризация и растущее отсутствие консенсуса по общим целям в странах и местных сообществах. В этих условиях возрастает нагрузка на самоидентификацию и особенно на групповую самоидентификацию индивидов [см. Fukuyama 2018]. При этом самым быстрым образом процессы идентификации происходят в современных городах. Не случайно город как предмет гуманитарного познания «в последние десятилетия стал не менее популярным «персонажем» научной и околонучной литературы, чем город как сумма искусственных материальных объектов» [Аванесов 2018, 10].

Политическая практика показывает, что кризисы идентичностей, свойственные современному человеку и фиксируемые целым рядом современных исследований, лежат в основе многих политических движений и предложений на политическом рынке, предопределяя рост популизма и радикализма. С другой стороны, эффективное использование энергии и ресурсов коллективных идентичностей позволяет позитивно развивать местные сообщества. С этой точки зрения проблема управляемости развитием локальных идентичностей и, более жестко, проблема конструирования локальных идентичностей является одним из актуальных вопросов как теории, так и практики управления городскими сообществами.

В основе данной статьи лежит интерпретация результатов исследования, проведенного в исторических российских городах Владимире, Смоленске и Ярославле в 2015 году коллективом ученых в составе И. В. Задорин, Р. В. Евстифеев, П. Л. Крупкин, С. Д. Лебедев [Задорин и др. 2016].

Цель исследования состояла в том, чтобы выявить и составить описание городских коллективных идентичностей указанных городов, а также осуществить сбор эмпирического материала для формирования и развития языка описания локальных идентичностей.

Задачами научного проекта были определены задачи составления полных описаний городских идентичностей Владимира, Смоленска, Ярославля, выявления различий в городских идентичностях, а также выявления взаимосвязи между элементами городской идентичности и уровнем солидарности горожан. Кроме того, было запланировано провести работу по формулировке рекомендаций

по повышению уровня социального доверия и солидаризации городских локальных сообществ.

Идентичность как понятие сегодня востребовано и является признанным объектом большого количества научных исследований и публицистических работ [Giridharadas 2018]. Вместе с тем вряд ли можно говорить о наличии в научном арсенале большого количества согласованных и непротиворечивых теоретических построений, основанных на достаточном количестве сопоставимых эмпирических исследований и описаний.

Скорее, речь должна идти о существовании целого ряда подходов и основанных на них конкретных исследований, которые трудно сравнивать и, соответственно, обеспечивать поступательное приращение теоретических обобщений и научных знаний об обществе.

Американский исследователь Самюэль Хантингтон, обратившийся в начале этого века к проблемам национальной идентичности, отмечал, что идентичность – это, прежде всего, «неявное множество, не поддающееся строгому определению и не подвластное стандартным методам измерения» [Huntington 2005, 39].

Российские и зарубежные авторы неоднократно в своих публикациях представляли свои подходы к определению коллективной идентичности, однако это пока не привело к единообразию в понимании этого феномена. В целом, можно выделить три главные проблемные линии, разделяющие исследовательское пространство.

Во-первых, отметим многомерность и противоречивость коллективной локальной идентичности [см. Tajfel, Turner 1986]. Территория, к которой «привязывается» идентичность, сама по себе может рассматриваться как многоуровневая система, состоящая из элементов, выявление и описание которых зависит от методик масштабирования. В этом смысле принятое и привычное административное деление государства на более мелкие административные единицы (регион, район и т. д.) может не полностью совпадать с локализацией, которую ощущают жители. Иными словами, люди могут ощущать идентичность с локальностями, которые никак не учитываются административным делением, и, следовательно, не учитываются исследователем.

Отсюда вытекает задача составления реестра, каталога или, если говорить картографическим языком, атласа локальных идентичностей разного уровня, причем с разнообразными инструментами для изучения идентичностей разного уровня.

Вторая проблема, оставляющая разрыв в исследовательском поле, связана с раздробленностью понятия локальной идентичности

между разными, подчас далекими друг от друга науками [см. Lawler 2014]. Психология, социология, философия, политология и многие другие отрасли науки активно и плодотворно разрабатывают понятие идентичности, весьма различно понимая основания этого феномена и его сущность. Таким образом, для преодоления данного разрыва необходима специальная работа исследователей из разных областей знания. Тесно связаны с проблемой дискретности исследовательского поля и проблемы методов исследования: до сих пор мы не имеем однозначных методик, позволяющих измерять основные параметры локальных идентичностей. Кроме того, мы пока не можем сравнивать локальные идентичности и, соответственно, не имеем адекватных инструментов для выработки прогноза дальнейшего развития локальных идентичностей.

Третья проблема тесно связана с темой данной статьи – это проблема соотношения «естественности» и «конструируемости» локальной идентичности. Можно сказать, что сегодня общепризнанным является положение о двойственном характере локальной идентичности, то есть об эволюционном и об управляемом характере локальной идентичности. Эволюционные изменения в сознании и мировоззрении членов сообществ относительно ценностей этого сообщества могут развиваться параллельно с целенаправленным воздействием на смыслы и ценности местного сообщества [см. Anderson 2010].

В данной статье мы обратим внимание именно на эту проблему, обозначив возможные цели, механизмы и основных акторов процесса конструирования локальных идентичностей.

В качестве рабочего определения городской локальной идентичности автором было принято следующее: под городской локальной идентичностью мы понимаем психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самосоотнесение с какой-либо группой / общностью, а также определяющий правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения из нее, критерии различения «свой / чужой» для данной группы.

Исследование локальных идентичностей трех российских городов – Владимира, Смоленска и Ярославля – включали в себя применение количественных и качественных методик. В ряду качественных методов отметим дискуссионные фокус-группы: пять фокус-групп в каждом из городов с основными социальными категориями жителей. Во время проведения дискуссий в группах (сентябрь – октябрь 2014 г.) на обсуждение было вынесено несколько проблем,

касающихся жизни в городе, отношения к городу жителей, обсуждения уникальных черт городской жизни, символических элементов города, значимых личностей и т. д.

Результаты дискуссий в фокус-группах были использованы для разработки анкеты для массового опроса (количественный этап исследования). Общий объем выборки массового опроса составил 1800 респондентов, то есть в каждом из городов был проведен опрос с количеством респондентов по 600 человек (время проведения опроса: ноябрь – декабрь 2014 г.). Репрезентативность выборки была обеспечена по основным параметрам: пол, возраст, уточненное место проживания респондента в соответствующем городе. Методика проведения опроса включала в себя личный контакт респондента с интервьюером по месту жительства респондента (face-to-face). Опрашивалось взрослое (18 лет и старше) население соответствующего города.

Если представить некоторые основные результаты исследования, то можно отметить следующее.

Исследованием зафиксировано существование в самосознании респондентов локальной идентичности, основных элементов идентичности, а также высокий уровень репрезентации большинства из этих элементов. Локальная идентичность не только осознается жителями городов, но и имеет большое субъективное значение.

Результаты исследования позволили сформулировать основные элементы городской локальной идентичности, которые представлены в виде следующих семи позиций:

- значимые места (включая периферию и символический центр);
- представления о локальной, средне- и крупномасштабной географии;
- значимые люди города («пантеон» героев – реальных и мифических);
- представления горожан о своем городе;
- представления горожан о самих себе;
- представления о структуре сообщества (ядро, границы, страты, сегменты);
- ритуалы воспроизводства идентичности.

Говоря о значимых местах, следует отметить, что во всех исследованных городах жители совершенно четко выделяют периферию, центр города, а также важнейшие точки города, которые, по мнению горожан, ценны для его жителей. Во Владимире среди наиболее важных мест находятся Золотые Ворота (87 % респондентов), Успенский собор (59 %), Дмитриевский собор (29 %), Соборная

площадь (25 %). В Смоленске среди таких точек – Крепостная стена (84,3 % опрошенных), Успенский собор (74,7 %). В Ярославле респонденты, прежде всего, отмечают так называемую Стрелку (мыс при впадении реки Которосль в Волгу, почти 50 % опрошенных), Волжскую набережную (47 %), театр имени Фёдора Волкова (33 %).

Локальная география Владимира представлена в сознании жителей как местность, которая расположена в пространстве между лесной зоной (южная часть Владимирской области) и зоной полей (северная часть, Владимиро-Суздальское Ополье). Большое, хотя и не главное место в локальной географии города также занимает река Клязьма. В пространство локальной географии города Владимира, по мнению его жителей, также входят соседние поселения – город Суздаль и поселок Боголюбово (с церковью Покрова на Нерли), а также более отдаленный (130 км от Владимира) город Муром. Весьма значимое место в локальной географии владимирцев также занимает ответ «деревеньки», что объясняется живыми сельскими корнями большинства горожан.

В локальной географии Смоленска главное место занимает река Днепр, а сам Смоленск рассматривается как город на верхнем Днепре, находящийся среди лесов, болот и озер. Точно так же локальная география Ярославля связана, прежде всего, с рекой Волгой, лесами и озерами, с добавлением Рыбинского водохранилища как значимой для горожан зоны отдыха.

Место Владимира в окружающем мире, то есть его макрогеография, определяется вхождением Владимира в Золотое Кольцо, его промежуточным положением между Москвой и Нижним Новгородом; менее значимо, но тем не менее ясно выражаемо определение, что Владимир – это дальше Подмосковье.

Что касается Смоленска, то его макрогеографический образ, по мнению жителей, основан на том, что Смоленск является городом на западной границе России, своеобразный город-дверь или город-ключ, расположенный на верховьях Днепра, на пути из Москвы в Европу, международный перекресток рядом с Белоруссией, в котором бьется сердце России.

Не менее интересным предстает видение жителями макрогеографии Ярославля. Для ярославцев Ярославль представляется как город на Волге, город-Центр русских земель, неподалеку от Москвы.

Среди значимых людей города («пантеон героев») во Владимире отметим преобладание исторических личностей из времен раннего русского Средневековья: Великий князь Андрей Боголюбский (50 % респондентов), Владимир Красно Солнышко (44 %), Владимир Мо-

номах (41 %), Александр Невский (35 %). Гораздо менее значимы для владимирцев деятели советского времени, деятели культуры и искусства, спортсмены и т. д.

В круг значимых личностей Смоленска, по мнению его жителей, входят космонавт Юрий Гагарин (47,2 % респондентов), зодчий Федор Конь (44,2 %) и композитор Михаил Глинка (43,2 %).

Жители Ярославля считают, что в круг значимых фигур Ярославля, прежде всего, входят князь Ярослав Мудрый (77,2 %), основатель ярославского театра Ф. Г. Волков (44,2 %), космонавт В. В. Терешкова (44,2 %), поэт Н. А. Некрасов (36,2 %).

Значимость города Владимира в сознании его жителей характеризуется такими словами, как «Входит в «Золотое Кольцо» (57 % респондентов), «Золотые Ворота» (49 %), «Один из древнейших городов России» (46 %). Более 10 % ответивших отметили также Владимирский Централ (16 %).

Господство примеров из прошлого в самосознании жителей Владимира хорошо видно и в наборе основных событий в жизни города. Абсолютные победители в этой номинации – «Оборона Владимира от монголо-татар в 1238 г.» (62 % респондентов), «Роспись Успенского собора Владимира Андреем Рублевым в 1408 г.» (47 %), «Превращение Владимира в столицу Северо-Восточной Руси в 1157 г.» (39 %).

Такое же ощущение историчности характерно для жителей Смоленска и Ярославля. Правда, в отличие от Владимира, коллективная память жителей указанных городов включает в себя в качестве значимых событий не только события древности. В Смоленске важным элементом остается память о Великой Отечественной войне, в Ярославле жители гордятся первым в России театром, открытым в 1750 году.

Интересно, что жители Владимира, Смоленска и Ярославля, в целом, схоже определяют свои города. Владимирцы заявляют о том, что видят свой город как тихое, спокойное место, уютный чистый город с большим количеством зеленых насаждений. Данные опроса дают две лидирующие позиции в самоопределении горожан: «Владимирцы – люди со спокойным характером», «Владимирцы – гостеприимные люди» (в сумме более 70 % ответивших). Третье место занимает определение «Владимирцы – “мещане”». Определения, которые можно было бы считать негативными, не набрали в сумме и 20 % («Владимирцы – люди прижимистые, ищут, “что подешевле где купить”», «Владимирцы – жесткие, недоброжелательные люди», «Владимирцы – ленивые люди» и т. д.).

В Смоленске жители считают себя добрыми, немеркантильными (39,2 % респондентов), терпеливыми, стойко переносящими все лишения и трудности (35,1 %), готовыми к агрессии, но отходчивыми (30 %).

Жители Ярославля считают себя отзывчивыми, добрыми, доброжелательными (35,7 %); 24 % респондентов отмечают красоту жителей («ярославцы – все красавцы»); а 19,7 % жителей отметили любовь к посещению культурных мероприятий.

При изучении проблемы главных акторов городской жизни и формирования городской идентичности в исследовании были заложены процедуры по выявлению структуры городских сообществ и лидеров в процессах развития города.

Говоря о структуре городского сообщества, жители Владимира выделяют, прежде всего, две профессиональные группы, которые, на взгляд респондентов, вносят самый весомый вклад в развитие города: это две элитные группы – администрация города (39 %) и губернатор и ее команда (33 %). Довольно неожиданно на третье место по этому параметру вышли городские работники культуры (28 %). Далее следуют знаменитые спортсмены (22 %), городские общественные активисты (11 %), городские предприниматели, малый бизнес, руководители крупнейших предприятий города, работники промышленных предприятий.

Близкие к владимирцам взгляды показали и жители Смоленска, которые отметили вклад чиновников в развитие города («Губернатор и его команда» – 23,5 % ответивших, «Администрация города» – 19,4 %) и также отметили работников культуры (19,5 %) и работников промышленных предприятий (13,7 %).

Жители Ярославля считают, что наибольший вклад в развитие города вносят знаменитые спортсмены (27,9 %). Работники культуры вышли на второе место (16,2 %), и только на третьем месте расположились городские чиновники. Далее следуют лётчики-космонавты (12,7 %), работники промышленных предприятий (11,9 %).

Большое значение в рамках темы данной статьи имеют ритуалы воспроизводства локальной идентичности, которые можно считать частью механизмов по созданию и поддержанию идентичности.

Во всех трех городах главным ресурсом развития локальной идентичности оказались общенациональные и особенно общегородские праздники. Во Владимире более 62 % респондентов назвали в качестве главного объединяющего горожан события День города; на втором месте оказался День Победы (46 %); на третьем месте – празднование Нового Года (35 %). С гораздо меньшей поддержкой

далее следуют выходы в театры, парки, рестораны, дни двора и улиц, религиозные праздники (8 %) и выборы местной власти (6 %).

Точно так же, только в несколько ином порядке, жители Смоленска отметили доминирование двух праздников: Дня Победы (80 %) и Дня города (65 %). В Ярославле более половины респондентов определили как наиболее значимый праздник День города (55,3 % ответивших), поставив на второе место празднование Дня Победы (38,4 %). А вот на третьем месте оказалось празднование Масленицы (21,9 %).

Следует отметить, что описанные элементы городских идентичностей существуют скорее как конструкт, созданный, скорее, самими исследователями, чем как субъект городской жизни. Для того, чтобы городская идентичность обрела субъектность, необходимы особые усилия, своеобразная активация, предпринятая политически активной частью жителей города.

Одним из таких примеров может служить подробно изученный в ходе проекта случай города Владимира [Евстифеев 2015]. В основе данного примера лежит создание и деятельность в 2010–2015 гг. сообщества, которое ставило перед собой задачу объединения городского сообщества вокруг позитивных смыслов [Евстифеев 2015a]. В состав сообщества вошли местные интеллектуалы, преподаватели вузов, журналисты, студенты. Создание такого сообщества во Владимире сопровождалось выработкой особой стратегии, включающей в себя опору на научные знания и интеллект, интеллектуальный нонконформизм, признание ценности и необходимости свободных демократических коммуникаций.

Одной из особенностей этой ассоциации была также линия на минимизацию отношений с властями и отказ от государственной регистрации организации как юридического лица. Это принцип, основанный на построении взаимоотношений на принципах, отличных от формальных систем и иерархий. По этому пути идут многие сообщества, свободно располагаясь рядом с формальными иерархическими конструкциями, стараясь не соприкасаться с ними. Теоретическую модель деятельности таких сообществ можно изобразить следующим образом: переосмысление и переинтерпретация прошлого, конструирование истории города на основе переосмысленных фактов и мифов (своеобразное «делание истории из подручного материала»); формирование насыщенных смыслом и понятных для местного сообщества символов, создание конкурентной среды, и, далее, трансфер символов в практики, изменяющие

условия жизни сообщества – таков механизм работы местных сообществ, использующих ценности идентичности.

На наш взгляд, можно было бы назвать такую деятельность латуровским термином «пересборка социального» (reassembling the social), то есть процессом упорядочивания/конструирования социального городского пространства в целом, включая и городскую идентичность [см. Латур 2014]. Конечно, претензии на такую «пересборку» сами по себе не остаются без внимания тех структур и игроков, которые стараются сохранять «власть номинации» [см. Бурдьё 1993].

Иными словами, неиерархическое построение сообществ, приспособленное для интериоризации символов и выработки элементов городской идентичности, вступает в противоречие с жестко структурированным политическим пространством распределения ценностей в городе. Таким образом, акторы, находящиеся в поисках эффективных механизмов конструирования городских идентичностей, неминуемо подходят к границам борьбы за идентичность, за которыми уже находятся политические действия.

В случае Владимира эти границы обнаружили довольно быстро и послужили началом конфликтов сообщества с властной иерархией. В ходе развития ценностей городской идентичности представители сообщества пришли к необходимости разработки предложений для стратегии развития города. В результате была предложена примерная модель конструирования городской идентичности: развитие городского сообщества, выработка социального «софта» для взаимодействия друг с другом, формирование независимого интеллектуального пространства с альтернативными конкурирующими «пакетами» интересов, публичное выражение интересов на дискуссионных площадках, создание коалиций, конкуренция и продвижение своей повестки в поле публичной политики [Евстифеев 2016].

Этот переход от технологии конструирования идентичности к собственно политическому существованию граждан может быть весьма чувствителен для слабоструктурированных сообществ и их представителей. Риски потери идентичности и собственных принципов здесь весьма велики, что делает такой путь более сложным и уязвимым, чем привычный путь выработки ценностей идентичности внутри герметично организованной корпорации.

В результате эффективная в целом работа сообщества по выявлению и культурализации ценностей городской идентичности при переходе на другой уровень работы потребовала коренного переустройства самого сообщества и пересмотра его целей: то есть выход

в поле публичной политики заставлял изменять описанные выше принципы деятельности сообщества. Этот процесс оказался болезненным и не позволил провести успешный трансферт ценностей локальной идентичности к позитивной гражданской самоорганизации. Однако эта «неуспешность» тем не менее привела к формированию определенного набора ценностей, практик, традиций, которые обсуждаются и применяются для дальнейшей работы в рамках взаимодействия общественности и городских властей.

Подводя итог, можно отметить следующие выводы о целях, акторах и механизмах конструирования городских идентичностей.

Во-первых, исследование показало, что городские идентичности не обладают собственной субъектностью, то есть городские идентичности существуют скорее как конструкт, чем как влиятельный субъект городской жизни, и в большинстве случаев городские идентичности как набор значимых ценностных элементов не имеют собственной цели. Особо подчеркнем этот нетелеологический характер городской идентичности: то есть цель и основные ценности идентичности задаются преимущественно теми, кто обладает властью номинации. Именно поэтому городские локальные идентичности очень чувствительны к конструирующему воздействию, что усиливает риски трансформаций и даже потери идентичности.

Во-вторых, для того, чтобы городская идентичность обрела субъектность, необходимы особые усилия, своеобразная активация, предпринятая политически активной частью жителей города. Однако исследованием зафиксировано слабое развитие конкурентной среды по конструированию городской идентичности, связанное не столько с небольшими возможностями и ресурсами местных сообществ, сколько с монополизацией этой сферы с использованием властных ресурсов, с одной стороны, и со слабым развитием неформальных делиберативных практик в обществе, с другой. Отсюда доминирование властного дискурса в городской жизни и трудности самоорганизации сообщества. Иными словами, типичным актором конструирования городской идентичности выступает городская власть, аффилирующая или нивелирующая попытки граждан и их объединений участвовать в этом процессе.

В-третьих, основным механизмом конструирования городских идентичностей является деятельность в символической сфере, направленная на переопределение и переинтерпретацию прошлого и настоящего городского сообщества. Такая работа включает в себя поиск и переосмысление имеющихся и конструирование новых символов городской идентичности, объединяющих членов сообщества.

Это довольно интеллектуально емкая деятельность, в которой административная власть и иные ресурсы играют гораздо меньшую роль. Таким образом, главным фактором конструирования городских идентичностей оказывается такой ресурс, как интеллектуальное осознание и осмысление особенностей города и городского сообщества; при этом развитие городских идентичностей, пусть даже и конструируемых доминирующими группами, приводит к формированию субъектности разнообразных групп и, соответственно, к конфликтам в борьбе за ценности. Конфликтотенный характер развития коллективных идентичностей порождает запрос на политику идентичности, направленную не только на конструирование городской идентичности, но и на раскрытие возможностей позитивного взаимодействия различных идентичностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2018 – *Аванесов С. С.* Городское пространство как антропологический феномен // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 2 (16). С. 10–31.
- Бурдые 1993 – *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
- Евстифеев 2015 – *Евстифеев Р. В.* Локальные аналитические сообщества как ресурс развития местных сообществ: кейс города Владимира // Новая экономика и региональная наука. 2015. № 1. С. 61–67.
- Евстифеев 2016 – *Евстифеев Р. В.* Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики // Философские науки. 2016. № 1. С. 88–95.
- Задорин и др. 2016 – *Задорин И. В., Евстифеев Р. В., Крупкин П. Л., Лебедев С. Д., Шубина Л. В.* Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля. М.: Исслед. группа ЦИРКОН, 2016.
- Латур 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Anderson 2010 – *Anderson M.* Community identity and political behavior. New York: Palgrave Macmillan, 2010.
- Huntington 2005 – *Huntington S.* Who Are We? The Challenges to America's National Identity. Simon & Schuster, 2005.
- Lawler 2014 – *Lawler S.* Identity. Sociological perspectives. Cambridge: Polity Press, 2014.

Tajfel, Turner 1986 – *Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / Ed. by S. Worchel, W. G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.*

Fukuyama 2018 – *Fukuyama F. Identity. The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. Farrar, Straus & Giroux. 2018.*

Giridharadas 2018 – *Giridharadas A. What Is Identity? // The New York Times, 27.08.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/08/27/books/review/francis-fukuyama-identity-kwame-anthony-appiah-the-lies-that-bind.html>.*

Kwame Appia 2018 – *Kwame Appia. The Lies that Bind. Rethinking Identity: Creed, Country, Color, Class, Culture. 2018.*

Материал поступил в редакцию 23.06.2019

Материал поступил в редакцию после рецензирования 29.09.2020